

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-495-504

ЭРОС В ЭКОНОМИКЕ ВЛАСТИ: ТЕОРИИ ДИСКУРСИВНО-ДИСЦИПЛИНАРНОГО КОНТРОЛЯ (М. Фуко и Дж. Батлер)

Ф.В. Тагиров

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Несмотря на сохранение традиционных властных институтов, механизмы включения эроса в отношения власти в современном обществе претерпевают серьезные изменения по сравнению с их классическими формами. Специфика этих изменений обусловлена целым рядом причин историко-политического и социокультурного характера. К ним в первую очередь можно отнести разнообразные процессы, коренящиеся еще в буржуазных революциях, секуляризацию и демократизацию общества, кризис основных метанарративов в XX в. и, наконец, сексуальную революцию. Одной из наиболее состоятельных попыток теоретического осмысления взаимоотношения власти и эротизма в сегодняшнем социуме является, по мнению автора, модель дискурсивно-дисциплинарного контроля, которую предложил М. Фуко, а впоследствии развивал целый ряд мыслителей, в том числе Дж. Батлер.

Данное исследование опирается на социально-критическую, компаративную и историко-философскую методологию. Проведенный анализ теорий диффузно-дискурсивного контроля, прежде всего, сосредоточен на следующих вопросах: как власть участвует в формировании субъекта желания или, другими словами, производит его, что из себя представляет дисциплинарное общество, где следует искать истоки дисциплинарно-нормализующего контроля, каковы наиболее спорные положения подобного подхода к субъекту, власти и сексуальности, и, наконец, какую альтернативу существующему порядку предлагают данные теории.

Ключевые слова: власть, гендер, дискурс, идентичность, контроль, сексуальность, субъект, эрос, М. Фуко, Дж. Батлер

Часто припоминают те бесчисленные приемы, с помощью которых былое христианство будто бы заставило нас ненавидеть тело, но задумаемся немного о всех тех хитростях, которыми за несколько веков нас заставили-таки полюбить секс, которыми сделали для нас желаемым познавать его, сделали ценным все, что о нем говорится, которыми, опять же, побудили нас развернуть все наши способности, чтобы застигать его врасплох, и привязали нас к долгу извлекать из него истину, хитростях, которыми, наконец, нам вменили в вину то, что мы так долго его не признавали. Именно они и должны были бы удостоиться сегодня удивления. И нам следует подумать о том, что однажды, быть может, внутри другой экономики тел и удовольствий будет уже не очень понятно, каким образом этим ухищрениям сексуальности и поддерживающей ее диспозитив власти, удалось подчинить нас этой суровой монархии секса — до такой степени, что удалось обречь нас на бесконечную задачу выколачивать из него его тайну и вымогать у этой тени самые что ни на есть истинные признания.

Ирония этого диспозитива: он заставляет нас верить, что дело тут касается нашего «освобождения».

Мишель Фуко

Автором концепции дисциплинарного общества, которая относится к неклассическим теориям власти, является М. Фуко. Последующие мыслители, размышляющие о механизмах дискурсивного и символического контроля, или изо всех сил пытаются «забыть Фуко», как, например, Ж. Бодрийяр, или, критикуя и дополняя отдельные моменты в его рассуждениях, как это делает Дж. Батлер, в целом оказываются его последователями и едва ли не прямыми наследниками. В некоторой мере то, что Фуко пишет о власти и сексуальности, принципиально соотносимо с любым временем. Однако феномен Фуко не мог бы иметь место не только в эпоху аристотелевской «Политики» или макиавеллевского «Государя», «Левифана» или даже «Капитала», но и во времена, например, В. Райха. Новая теория — результат нового осмысления, ставшего возможным в изменившемся обществе. Но также — это и теория осмысления *изменившегося общества*.

ДИСЦИПЛИНАРНО-ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТРОЛЬ: ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА ЖЕЛАНИЯ

Фуко противопоставляет репрессивной гипотезе, оформившейся в первую очередь в работах З. Фрейда, В. Райха и Г. Маркузе [1], представление, согласно которому «удовольствие и власть не упраздняют друг друга; они не противостоят друг другу; они следуют друг за другом и усиливают друг друга» [2. С. 149]. Сексуальность не столько подавляется, сколько контролируется, а вместе с ней и посредством ее контролируется и индивид. Если подавление сексуальности (присущее в той или иной мере любому социальному порядку) и имеет место, то точно не ее замалчивание, как утверждают многие сторонники репрессивной гипотезы: даже в строжайше-пуританскую Викторианскую эпоху, по утверждению Фуко, ни о чем другом не говорили так много, как о сексуальности. Однако «говорение» не представляет собой проявление свободы и даже просто побочный продукт или сублимацию подавленной сексуальности. Напротив, именно через постоянное проговаривание, непрерывное привлечение внимания, мыслительное сосредоточение на сексуальности производится так называемое «выведение в дискурс», в рамках которого индивид проговаривает и осмысляет себя и свою сексуальность.

Помимо того, что, как считает Фуко, власть сама получает удовольствие от преследования запретных удовольствий (потребление удовольствия за счет последствий его распределения), включенность эроса в экономику власти проявляется также в действии власти, за счет которого производится удовольствие подвластного субъекта, а кроме того, сама возможность его удовольствия.

В отличие, например, от Райха, который, по мнению Фуко, остается заложником существующего дискурса о сексуальности, Фуко понимает сексуальность не в единичном (как нечто, присущее всем людям), а во множественном смысле — как сексуальности. Формирование субъекта в контексте определенного дискурса — это всегда и формирование той или иной его сексуальности.

Согласно теории дисциплинарно-дискурсивного контроля, власть не просто применяется к субъекту сексуальности, она же его и формирует. Индивид субъективируется, становясь субъектом, к которому применяются отношения власти

и который применяет их сам сообразно логике, установленной существующим дискурсом. По сути, что из себя представляет индивид до его «субъекции» властным дискурсом, сказать затруднительно. Он может состояться как субъект только благодаря тому, что некая внешняя инстанция (власть) обеспечивает условия его существования как субъекта и формирует траекторию его желания. Рождая субъекта сексуальности, субъекция, как показывает Батлер, производит его на свет зависимым от дискурса, который он не выбирал [3. С. 16].

Идентичность индивида, отталкиваясь от которой он только и может требовать собственного освобождения (как освобождения себя такого-то), невозможна без субъекции, то есть любое требование свободы и любое выступление против власти изначально предопределено ее же механизмами. Идентичности меньшинств, борющихся за свои права, соответственно также производятся властью.

Основным типом идентичности, посредством которой индивид осознает свою субъектность в области эроса, является, безусловно, гендерная идентичность. В то время, как для Фуко гендер — один из примеров властного формирования субъекта, с точки зрения Батлер гендер представляет собой *основу* властных отношений, логика которых уже заложена в бинарности гендера. Традиционно принято считать гендер категорией, производной от пола, поскольку пол биологичен, а гендер представляет собой набор социальных ролей и ожиданий, предписываемых данным обществом представителям того или иного пола [4]. Однако, по мнению Батлер, само понимание пола гендерно детерминировано, поскольку даже наше определение биологических различий обусловлено культурно, а следовательно, гендерно, поэтому не гендер есть категория, вторичная по отношению к полу, а наоборот [5. Р. 6—7].

Наличествующие в обществе механизмы, регулирующие желание субъекта, по Батлер, производятся в соответствии с существующей гендерной нормой, которая сама по себе едва ли поддается концептуализации, однако предшествует любым осмысленным практикам. Статус нормы, по Батлер, в целом схож со статусом Закона у Ж. Лакана. Гендер выступает в качестве принципа распределения удовольствия и власти, при этом отклонение от гендерной нормы, конкретные возможности которого этой же нормой и заложены, как правило, не освобождают от нее, а только способствуют активизации практики нормализации и, как следствие, укреплению реальности нормы [6. Р. 40—56].

Продолжая логику Фрейда и Райха, Батлер признает, что механизмы подчинения индивида власти закладываются еще с младенчества, и основным проводником здесь выступает любовь. Ребенок испытывает по отношению к своим родителям пассионарную (страстную) привязанность. Однако данная любовь никак не может быть названа свободной, поскольку ребенок просто не может не любить родителей, от которых он всецело зависит, какими бы они ни были. Именно благодаря родителям и начинается формирование субъектности ребенка, однако его к ним любовь стоит на пути обретения своего Я (Эго). Собственная субъектность не может быть просто продолжением субъектности другого, даже страстно любимого, она требует отличия от другого, его отрицания, его утраты. В процессе раз-

вития собственной личности индивид вынужден сопротивляться своему же желанию, поэтому любой субъект, производящийся властным дискурсом, уже несет структуру властных отношений внутри себя в виде противоречия между желанием и необходимостью подавления этого желания ради сохранения своей субъектности. «Обращающийся против себя (своего желания) субъект в этой модели выглядит условием продолжения своего существования» [3. С. 22]. Вспомнив, что одним из ключевых понятий критической социальной теории является категория «отчуждения» (К. Маркс, Г. Маркузе, Э. Фромм), а освобождение индивида мыслится в непосредственной зависимости от преодоления этого отчуждения, зададимся вопросом, насколько при таком понимании субъектности, которое предлагает Батлер, вообще возможен неотчужденный субъект, если быть субъектом — значит быть имманентно отчужденным от самого себя?

Невозможность собственного желания, нехватка, недостаток, следовательно, лежат в основе субъектности. Этот принцип ограниченности, отлученности от объекта любви, исключенности из желанных отношений, укорененный в психике индивида и воспроизводящий себя снова и снова, оказывается исходным основанием для подчинения субъекта власти. В дальнейшем на принципе исключения, возможном благодаря логике бинарных (а также любых n-кратных) оппозиций [7], будут строиться все механизмы власти. Любые индивидуальные структуры репрезентации субъектности неизбежно основываются на принципе исключения (себя — себе подобных — из числа других, поскольку субъект производится в ситуации, из которой он исключаем), а значит, всегда воспроизводят логику властных отношений.

Внутренний механизм самоконтроля устроен так, что субъект не только склонен подчиняться власти, когда последняя непосредственно к нему обращается, но и носит в себе готовность выполнить властные требования еще даже до того, как они предъявлены. В этой связи Батлер отсылает к понятию «интерпелляция» у Луи Альтюссера и к приводимому Альтюссером примеру, в котором на неопределенный оклик полицейского «Эй ты!» многие прохожие обязательно обернутся, подумав, не к ним ли обращается представитель власти. Батлер также замечает, что не только идентичность работает на систему контроля, но также и механизмы дисидентификации, «отторгнутой идентификации», когда власть как бы не замечает тебя, не признает твоей идентичности, заставляют индивида включаться в логику власти, дабы добиться ее признания [3. С. 92—111]

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ОБЩЕСТВО И ДИФFUЗНОСТЬ ВЛАСТИ

Социум, где власть реализуется прежде всего в форме дисциплинарного контроля, может быть определен как дисциплинарное общество. По мере прогрессирующего утверждения либерально-демократических принципов в обществе позднего капитализма все меньшая доля контроля отводится собственно политическим институтам и все большая — ложится на экономические механизмы, работающие по принципу «стимул — вознаграждение». При этом диффузный характер дисциплинарной власти, о котором пишет Фуко, как мы видим, не отменяет относительно

стабилизировавшиеся классические властные институты — чем крупнее формы проявления власти, тем менее они динамичны, однако тем более абстрактна их «власть», и это не должно питать наши иллюзии об их роли в вопросе контролирования субъекта.

Власть, согласно теории дисциплинарного контроля, не есть просто власть институализированной репрессии, источник которой можно было бы локализовать в той или иной социальной группе, классе или конкретной властной инстанции. Эффекты власти — подавление и сопротивление — пронизывают, по Фуко, все социальные отношения [2]. Власть распространяется на личностные, private переживания субъекта (которые воспринимаются человеком как его собственные, в то время как на самом деле оказываются структурами соучастия субъекта в собственном подчинении) [3. С. 74—91].

Институт семьи, по Фуко, исторически испытывает на себе влияние двух дискурсов: дискурса о супружестве (браке) и дискурса о сексуальности. Связь между этими двумя дискурсами к началу XX века ослабевает, однако Фрейд, как считает Фуко, обнаружив в ядре сексуальности структуры семейных отношений (Эдипов комплекс), укрепляет связь между супружеством и сексуальностью и вместе с тем укрепляет сам дискурс о супружестве [2]. Сама же семья выступала и выступает не инстанцией, утверждающей запрет на сексуальность, но, напротив, — главным агентом сексуализации. В дисциплинарном обществе семья (или другая воспитывающая инстанция, заменяющая семью) транслирует внутрь собственного пространства главный нормализующий дискурс, под властью которого находятся родители.

ИЗНАЧАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ: ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ДИСЦИПЛИНАРНО-НОРМАЛИЗУЮЩИЙ КОНТРОЛЬ?

Двумя ключевыми моментами в истории умножения методов контроля, как полагает Фуко, являются «направление и исповедание совести», утвердившиеся в XVI в., и сменившие практики добровольного покаяния [8. С. 204—243] и медиализация дискурса сексуальности, произошедшая в начале XIX в. [2. С. 223—224]. Начало же распространение собственно дискурсивно-дисциплинарной власти, согласно исследованиям Фуко, может быть датировано XVIII—XX вв.

В конце XVIII — начале XIX вв. категория «плоти» вытесняется категорией «организма» [Там же. С. 221], что позволяет желанию и удовольствию стать объектами уже не церковного, а светского «научно обоснованного» регулирования (сначала медицинского, а затем психиатрического).

До XVIII в. в центре дискурсивного внимания находится исключительно матримониальное пространство, остальное в сексуальности практически не рассматривается. С XVIII в. семейное пространство оказывается в зоне ослабленного дискурсивного внимания, а дискурс (множество дискурсов) сосредотачиваются на многочисленных явлениях, маргинальных по отношению к брачной сексуальности. Обращение к матримониальной сексуальности (упорядоченной институтом брака) теперь если и происходит, то опирается на / отталкивается от маргинальных форм [Там же. С. 136—139].

В начале XX в. психоанализ (при наличествующей в нем склонности к нормализации) освобождает сексуальность от связи с наследственностью и разрывает классическую на тот момент триаду «извращение—наследственность—дегенерация» [Там же. С. 223]. Вместе с тем семья «реабилитируется» в качестве объекта пристального внимания в контексте не только маргинальной, но и «нормальной» сексуальности.

Как утверждает Фуко, начиная с XVII в. постепенно утверждается власть общества (а) над производящим телом-машиной (анатомо-политика) и (б) над телом-родом (биополитика). Право властных инстанций забирать жизнь заменяется на право принуждать к ней. Именно сосредоточенность на жизни приводит к формированию «нормализующего общества» [Там же. С. 238—251], то есть общества, где ненормальность рассматривается не как проявление монструозности, а как нечто, потенциально таящееся в каждом индивиде и подлежащее целенаправленному исправлению (нормализации) [9].

Общества прошлого, по мнению Фуко, не знали *scientia sexualis*, на вопросы о сексуальности в них отвечала *ars erotica*. Вместе с утверждением науки о сексуальности на смену пути ученичества и посвящения приходят практики признания и инструменты дознания [2. С. 150—174]. В *ars erotica* «прекрасное» (возвышенное) передается сверху вниз — от учителя к ученику, в рамках же современных практик признания — вскрывается «низменное». Исходя из этого, можно заключить, что введение сексуальности в экономику не могло бы состояться без признания определенной нормальности того, что ранее считалось «низменным», его уместности. В новом дискурсивном поле отныне допускается и утверждается правомощность «низменного», право на манифестацию «низменного» и на самоутверждение в нем, в том числе и публичное.

ВОПРОСЫ К ТЕОРИИ ДИСКУРСИВНО-ДИСЦИПЛИНАРНОГО КОНТРОЛЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ОТВЕТЫ

Согласно теории дисциплинарного контроля, любая фиксированная идентичность, включая протестную идентичность, может быть сформирована только в контексте определенного властного дискурса. Это означает, что даже выступление против власти (или, как уточняет Батлер, против *злоупотребления* ею) осуществляется по ее же правилам и не способно вывести субъектов протестной идентичности из-под ее контроля. Однако такая позиция не может не встретить возражение с точки зрения логики политических практик. Как можно выступать за свои права, отстаивать собственные интересы без консолидации на основании некой общей идентичности? Не становится ли такая теория лишь «университетским рассуждением», далеким от нужд конкретных людей?

По мнению Батлер, любая консолидирующая идентичность работает по принципу исключения и тем самым сама воспроизводит отношения власти. Поэтому нужно бороться не только за конкретные права, но и за установление порядка, в котором борьба за права стала бы ненужной в силу независимости положения индивида от включенности или невключенности в те или иные институциональные механизмы, например, в институт брака.

Другим неоднозначным положением этой теории, которая, безусловно, относится к конструктивистской социальной мысли, является ее главная предпосылка, утверждающая несубстанциальность субъекта. Даже способность к рефлексии, по Батлер, не есть нечто преодолевающее социальное конструирование (что могло бы дать субъекту возможность с легкостью трансцендировать дискурсивный порядок), так как «Я» все время пребывает «внутри» [5. Р. 142—144]. Но можем ли мы быть уверены в том, что субъект и его желание целиком и полностью формируются под влиянием дискурсивно детерминированной субъекции, и что даже естественно-биологические их аспекты проявляются социально исключительно через призму определенного дискурса или определенной нормы? Отрицая дискурс о сущности, конструктивизм дисциплинарной теории, с одной стороны, обосновывает социально-исторический характер любых регулирующих принципов и потенциальную возможность их изменения, но при этом, с другой стороны, он помещает всего субъекта без остатка в ловушку дискурсивных форм, выбраться из которой ему, по сути, не представляется возможным.

Вопрос, который мы не можем не задать в этой связи: а существует ли субъект в какой-то исходной форме до его субъекции? Предположим, что да, но, скорее всего, не как константа (что значило бы «натурализацию» субъекта) и даже не как функция, но и не просто как переменная (Батлер: «субъект» не равно «индивид», это «место для переменной», «структура в непрерывном формировании» [3. С. 23]), а как функция от функции, предсуществующая по отношению к динамике возможных значений этой переменной. Проблема в том, как вывести эту функцию, если не в категориях конкретного дискурса?

НАСЛЕДИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ГИПОТЕЗЫ

Теория дискурсивно-дисциплинарной власти не спешит разделять репрессивную гипотезу, полагая ее произведенной внутри конкретного дискурса власти, и с сомнением относится к эвристической значимости самого понятия «подавления» в силу его неопределенности, предпочитая ему категорию «контроля». Однако, несмотря на это, определенные элементы репрессивной гипотезы способны пережить теорию дисциплинарного дискурса, и некоторые из них стоит упомянуть в нашем разговоре.

Во-первых, описывая пассионарную привязанность ребенка к родителям, которая будет впоследствии воспроизводить себя во взрослых отношениях привязанности к подчинению, Батлер развивает одно из краеугольных положений концепций репрессивного социокультурного порядка, предложенных Фрейдом и Райхом.

Во-вторых, теория дисциплинарной власти не исключает допущения если и не альтернативной модели (которую тоже мы будем представлять, исходя из текущего дискурса и текущей нормы), то, по крайней мере, факта возможной альтернативы (Маркузе также писал, что социальной критике, находящейся сегодня в парализованном состоянии, необходимо прежде критически трансцендиро-

вать, абстрагироваться от логики существующего порядка [10. С. XIII—XIV]). Признание неабсолютности нормы, лакановского Закона, за которое выступает Батлер, — первый шаг к данному трансцендированию.

Наконец, нам не стоило бы отбрасывать мысль о преобразующей силе фантазии [11. Гл. 7 «Фантазия и утопия»], однако с необходимостью дополнив ее требованием избегать категорий фиксированных идентичностей и бинарных оппозиций. Современная «утопия перестает быть „местом, которого нет“ и которое ищут за дальними далями, но становится модусом субъективного, борющегося за аутентичность своего существования здесь и сейчас, на фоне сложной неоднозначной действительности» [12. С. 89]. Мечта не чужда дисциплинарной теории: в частности, Фуко позволяет себе мечтать об иной «экономике тел и удовольствий» [2. С. 268]. Подобная фантазия лишает наличествующую экономику тел и удовольствий, «одержимую» сексуальностью, статуса имманентной.

АЛЬТЕРНАТИВА СУЩЕСТВУЮЩЕМУ ПОЛОЖЕНИЮ ВЕЩЕЙ?

Рассуждая о возможной абсолютности нормы, Батлер оспаривает постулат Лакана, согласно которому символический Закон аисторичен (структурен, в понимании К. Леви-Стросса, для которого основные структуры также аисторичны и безразличны к своим содержаниям). Вместе с Законом Лаканом абсолютизируется и нехватка, недостаточность, переживаемая субъектом и обуславливающая неустранимый конфликт между желанием и реальностью. Как считает Батлер, они социогенны и неабсолютны.

Согласно Фуко, сексуальность предшествует сексуальным практикам, поэтому освобождение можно искать не в утверждении или отрицании тех или иных практик, но исключительно в преодолении зачарованности сексуальностью. Акцент должен быть перенесен с сосредоточенности на сексуальном желании (которое формируется и направляется дискурсивно) на внимание (к) телу и его удовольствиям — это может послужить основанием для выступления против власти сексуальности [2. С. 265—266]. Чем же телесные акты и удовольствия тела отличаются от сексуальности? Тело обладает потенциальной способностью участия в сексуальности, однако сексуализуется только в конкретных диспозициях, обусловленных дискурсом (например, когда определяется как тело того или иного пола, исходя из гендерной нормы). Сексуальность невозможна без дискурсивно формируемой идентичности, в то время как тело способно ускользнуть от логики идентичностей и бинарных оппозиций, поскольку оно, по Батлер, не мужское и не женское, а всегда единичное, идентичное только самому себе — при том не вообще какому-то инвариантному себе, а себе в текущий момент времени [5. Р. 79—141].

Неучастие в механизмах власти, полное самоустранение из них для субъекта невозможны. Однако, по мнению Батлер, дискурсивная сигнификация эротического может быть подорвана пародийным в них участием, создающим множественную сигнификацию, которая размывает устойчивые идентичности. Повторение идентичностей, о котором говорит Батлер, подобно делезовскому симулякру как

повторению, всегда различающемся с оригиналом [13]. Это идентичность, представляющая собой принципиально незаканчиваемый список характеристик, завершающийся открытой формулой «и т.д.». Такую идентичность Батлер называет «идентичностью et cetera» [5. Р. 143]. Если мыслить индивидуальность не как то, что участвует в практиках, а как производимый ими эффект, то вместо обобщающей консолидирующей идентичности следует производить множество локальных и дифференцированных стратегий, которые должны привести не к обретению каких-то конкретных прав представителями конкретной идентичности, а к радикальному умножению демократических практик как таковых [6. Р. 40—56].

© Тагиров Ф.В., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Тагиров Ф.В. Эрос в экономике власти: репрессивная гипотеза // Ценности и смыслы. 2017. № 4 (50). С. 44—57.
- [2] Фуко М. Воля к истине — по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
- [3] Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. СПб.: Алетейя, 2002.
- [4] Bronzino L.Y., Kurmeleva E.M. Identity in Contemporary Society: A Gender Perspective // European Society or European Societies: A View from Russia. 9th Conference of the European Sociological Association. М.: Maska, 2009. Р. 335—338.
- [5] Butler J.P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990.
- [6] Butler J.P. Undoing Gender. New York, 2004.
- [7] Тагиров Ф.В. Пол и идентичность: от бинарной логики к гуманизму плюральности? // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 30—42.
- [8] Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974—1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004.
- [9] Тагиров Ф.В. Эрос: между нормой и перверсией // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 74—79.
- [10] Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
- [11] Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1995.
- [12] Рудановская С.В. «Женщина на краю времени»: опыт субъекта в феминистической утопии // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 86—92.
- [13] Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.

Для цитирования:

Тагиров Ф.В. Эрос в экономике власти: теории дискурсивно-дисциплинарного контроля (М. Фуко и Дж. Батлер) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 4. С. 495—504. doi: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-495-504.

Сведения об авторе:

Тагиров Филипп Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ph.tagirov@mail.ru)

For citation:

Tagirov, Ph.V. Eros in the Economy of Power: Theories of Discursive and Disciplinary Control (M. Foucault and J. Butler). *RUDN Journal of Philosophy*. 2017; 21 (4): 495—504. doi: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-495-504.

EROS IN THE ECONOMY OF POWER: THEORIES OF DISCOURSIIVE AND DISCIPLINARY CONTROL (M. Foucault and J. Butler)

Ph.V. Tagirov

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)
6, Miklukho-Maklaya Str., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. Despite the preservation of traditional political institutions, the mechanisms for including eros in the logic of power are undergoing serious changes in contemporary society in comparison with their classical forms. Specificity of these changes is caused by a number of reasons of historical, political and socio-cultural nature. First of all, THEY include various processes rooted in bourgeois revolutions, the secularization and democratization of society, the crisis of the basic metanarratives in the 20th century and, finally, the phenomenon of sexual revolution. One of the most heuristic theoretical attempts to comprehend the relationship between power and eroticism in nowadays society is, in the author's opinion, the model of discursive and disciplinary control proposed by M. Foucault, and subsequently developed by a number of thinkers, including J. Butler.

This research primarily relies on methodology of social criticism, philosophical comparativism and history of philosophy. Our analysis of the theories of diffusive and discursive control, first of all, focuses on the following questions: how does the power participate in the formation of the subject of desire or, in other words, produce it, what is a disciplinary society, where the origin of disciplinary and normalizing control should be sought, what are the most ambiguous points of the studied approach to the subject, power and sexuality, and, finally, what alternative to the existing social order is offered by these theories.

Key words: control, discourse, eros, gender, identity, power, sexuality, subject, M. Foucault, J. Butler

REFERENCES

- [1] Tagirov FV. Eros v ekonomike vlasti: repressivnaya gipoteza. *Tsennosti i smysly*. 2017;4(50):44—57. (In Russ.)
- [2] Fuko M. *Volya k istine — po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti*. Moscow; 1996. (In Russ.)
- [3] Batler Dzh. *Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. (In Russ.)
- [4] Bronzino LY, Kurmeleva EM. Identity in Contemporary Society: A Gender Perspective. In: *European Society or European Societies: A View from Russia*. 9th Conference of the European Sociological Association. Moscow: Maska; 2009. p. 335—338.
- [5] Butler JP. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York; 1990.
- [6] Butler JP. *Undoing Gender*. New York; 2004.
- [7] Tagirov FV. Pol i identichnost': ot binarnoi logiki k gumanizmu plyural'nosti? *RUDN Journal of Philosophy*. 2016;(2):30—42. (In Russ.)
- [8] Fuko M. *Nenormal'nye: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1974—1975 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka; 2004. (In Russ.)
- [9] Tagirov FV. Eros: mezhdru normoi i perversiei. *Filosofiya prava*. 2011;4(47): 74—79. (In Russ.)
- [10] Markuze G. *Odnomernyi chelovek*. Moscow: REFL-book; 1994. (In Russ.)
- [11] Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya*. Kiev: Gos. b-ka Ukrainy dlya yunoshhestva; 1995. (In Russ.)
- [12] Rudanovskaya SV. «Zhenshchina na krayu vremeni»: opyt sub"ekta v feministicheskoi utopii. *RUDN Journal of Philosophy*. 2017;(1):86—92. (In Russ.)
- [13] Delez Zh. *Razlichie i povtorenie*. Saint Petersburg: TOO TK «Petropolis»; 1998. (In Russ.)